

нужное для жизни общины. Они лучше понимали сущность того, что мы называем теперь коммунизмом, когда предпринимали громадное исследование с целью установить «истинную ценность» всех предметов «первой и второй необходимости» и когда внушали Робеспьеру эти глубоко верные слова, что *только избыток в припасах может быть предметом торговли: необходимое же принадлежит всем*.

Родившись из жизненных потребностей бурной эпохи, коммунизм 1793 г. со своим утверждением *права всех на средства существования и на землю, служащую для их производства*, с его отрицанием права кого бы то ни было владеть большей площадью земли, чем сколько одна семья может сама обрабатывать (около 40 десятин), и, наконец, со своей попыткой коммунализировать торговлю и отчасти производство - этот коммунизм доходил гораздо глубже до сущности вещей, чем всевозможные программы-минимумы нашего времени и даже предпосылаемые им принципиальные соображения-максимумы.

Во всяком случае, изучая Великую революцию, мы убеждаемся, что она была источником всех коммунистических, анархических и социалистических воззрений нашего времени. Мы слишком плохо еще знаем наших родоначальников, но мы открываем наконец, что искать их надо в 1793 г. и что нам есть кое-чему у них поучиться.

Человечество движется вперед медленными шагами, и каждый крупный его шаг отмечается в течение последних столетий большой революцией, происходящей в той или другой стране. Так, после Нидерландов выступает Англия, а после Англии, совершившей свою революцию в 1639–1648 гг., наступает черед Франции.

Но каждая революция имеет нечто свое, ей свойственное. Так, Франция и Англия обе уничтожили у себя абсолютную власть короля революционным путем. Но, борясь против королевской власти, Англия больше всего занялась утверждением личных прав человека, особенно в религиозных вопросах, и правами местного самоуправления для каждого отдельного прихода и общины. Франция же обратила главное свое внимание на земельный вопрос, и, нанеся смертельный удар феодальному строю, она нанесла также удар крупной собственности и пустила в мир идею о национализации земли и о социализации торговли и главных отраслей промышленности.

Какой нации выпадет теперь на долю задача совершить следующую великую революцию? Одно время можно было думать, что это будет Россия. И тогда являлся такой вопрос: если Россия затронет *революционными методами* земельный вопрос, как далеко пойдет она в этом направлении? Сумеет ли она избежать ошибки, сделанной французскими Национальными собраниями, и отдаст ли она землю, обобществленную, тем, кто сам ее обрабатывает? Но ответить на этот вопрос мы не в силах. Всякий ответ лежал бы уже в области пророчества.

Но несомненно одно. Какой бы народ ни вступил теперь в период революций, он уже получит в наследство то, что наши прадеды совершили во Франции. Кровь, пролитая ими, была пролита для всего человечества. Страдания, перенесенные ими, они перенесли для всех наций и народов. Их жестокие междоусобные войны, идеи, пущенные ими в обращение, и самые столкновения этих идей - все это составляет достояние всего человечества. Все это принесло свои плоды и принесет еще много других, еще лучших плодов и откроет человечеству широкие горизонты, на которых вдали будут светиться, как маяк, все те же слова: «Свобода, Равенство и Братство».

ДОПОЛНЕНИЕ

Появление этой книги на французском языке (в 1909 г.) оживило во Франции и в России интерес к роли «округов» и «секций» Парижа во время великой революции. Уже Мишле, понимая роль народа в этом перевороте и не переоценивая значения в нем законодательных учреждений, указал на то, что делали округа и секции для развития революционной деятельности, а также на то, как неизбежно было торжество термидорской контрреволюции, когда независимость парижских секций была уничтожена Комитетом общественного спасения.

Позднее, в 1862–1881 гг., один реакционный историк террора, Мортимер Терно, занявшись изучением архивных документов, касавшихся истории Парижа в 1792–1795 гг., обнародовал несколько весьма интересных материалов, подтверждавших значение секций в революции.

Затем Сигизмунд Лакруа в своих введениях к изданным под его редакцией материалам, касавшимся Парижской коммуны, высказал ряд весьма верных мыслей относительно федеративного характера революционной организации Парижа. И наконец, в 1898 г. вышла небольшая, но чрезвычайно